

Вадим Муратханов

ПУТЕШЕСТВИЕ

Москва
Стеклограф
2024

УДК 82-1
ББК 84(2)
М19

М91 Муратханов В.
Путешествие. — М.: Стеклограф, 2024. — 42 с.

ISBN 978-5-521-24189-7

В девятую книгу Вадима Муратханова вошли стихи последних лет и цикл стихотворений «Проявление».

Малинник

Рукой подать до окон зала,
где свет расставлен по местам,
где бабушка носки вязала
и атлас дедушка листал.

А ты, вчерашний именинник,
потерян всеми и забыт.
Политый к вечеру малинник
вокруг вполшепота шуршит.

На неизведанных дорожках
ждет леший, темен и носат.
Увязнешь в дедовских калошах —
и не воротишься назад.

© В. Муратханов, 2024
© «Стеклограф», 2024

* * *

Подрастая, спит в ночи
бабушкино тесто.
Сонный маятник стучит,
не находит места.

Спят качели во дворе,
ветром их качает.
И солдаты на ковре
без войны скучают.

Их горнисты не трубят,
не стреляют пушки.
В тесном ящике тебя
ждут твои игрушки.

* * *

В детском саду воскресенье,
солнечных пятен парад.
Птичьим негромким весельем
дом опустевший объят.

На перекладины лестниц,
на полукружья качелей
петь непохожие песни
родичи дальние сели.

Ловят их в яркие краски
между страницами книг,
но непонятны их сказки,
темен их беглый язык.

Сосульки

Никто не верит сбивчивым речам.
Сквозь слезы улыбаются ледышки.
Теперь тела их даже по ночам
от таянья не знают передышки.

Еще вчера дамокловым мечом
они висели, кромки крыш унизав,
и целились в людей у входа в дом,
и с грохотом дробились на карнизах.

Но не грозит им здесь суровый суд —
в пар обратят и к небу вознесут.

* * *

Слышишь? Дождь. Поливает сугробы,
в жестяной подоконник стучит.
В тихий час окунуться попробуй,
где февраль растворен и размыт.

Ты вернешься другим и не скоро,
и не вспомнит никто о дожде,
только ты — и стареющий сторож,
стерегущий круги на воде.

* * *

Мелькают поэты под сенью косматых деревьев.
Один неостывшей пощечиной
спешит приложиться к березе.
Другой наклонился к дуплу узловатого дуба
и гневно нашептывает
дневные обиды.

Спустя полстолетия роща идет под топор.
Бумага наследует бледный рисунок волокон.
Мечтательный мальчик, поправив очки,
садится за стол
и вдруг с удивлением видит, как чьи-то обиды,
ожив у него под рукой, сплетаются в строчки
и боль незнакомая
проступает на чистом листе.

* * *

Туман. На чем остановиться взгляду?
Где задержаться мыслям и словам?
Скользят по занавешенному саду
и к предоконным падают ветвям.

Навстречу другу дрогнувшей стопой
шагнешь, а он, качая головой,
словно в беспамятстве, проходит мимо,
чтоб никогда не встретиться с тобой.

Процессоры гудят неутомимо.
Мирок карманный. Морок цифровой.

* * *

Ранней весной проницаемы сны,
словно дворы проходные.
Что же в них так холодны и честны
близкие и родные?

Пальцы сожми, головой крутани.
За ночь подушка намокла.
Веки смыкаешь — прозрачны они,
словно помытые стекла.

Отец

Есть у отца высокое кресло и свой парикмахер
домашний,
восемь детей, несметное множество внуков.
Между двух тополиных стволов скамейку
никто не займет.
И елпигич с рукоятью узорной
из-под подушки выглядывает.

Все наносное и лишнее
уходит из мира отца:
дальние родичи,
широкие людные площади,
шумный базар, заботы о хлебе и соли.
Русская речь покидает усталую память.

Рядом с ним посиди —
долг день, успеешь набегаться.
Влажные хрипы послушай
в бедном натруженном горле.
Муха бесшумно поверхность стекла изучает.
Плотно сомкнуты веки. Ступай.
Отец отдыхает...

* * *

Зимняя отыгранная сказка
с мокрой сцены сходит неохотно.
На корявых вековых каркасах —
листьев прошлогодние лохмотья.

Вдоль дувалов, низеньких калиток,
до которых солнцу не добраться,
улица февральская хранит
скудные остатки декораций.

В память о былых дворцах ледовых
в горсти наберешь, потрешь в ладонях.

Базарчик

С букетом крутится торговка,
цветы расхваливает ловко.
Она стара и безобразна —
словно нарочно, для контраста.

Торговец продает самсу.
Он запах держит на весу,
и ты идешь к нему на запах
среди прилавков косолапых.

Блестят румяные лепешки,
как книжки в глянцевой обложке.
Купи одну. Пусть на стене
висит, пока не станет слякоть
пускать мурашки по спине, —
тогда ломай сухую мякоть.

Калейдоскоп вращая равномерно,
не смотрит время за ценой,
но каждый, кто приходит, непременно
в рисунок принимается цветной.
И кажется, что долгие века
стекаются сюда осколки.
И только времени рука
не утомляется нисколько.

* * *

Нет, голос твой с хрусталинками слез
я телефону доверять не стану,
чтобы ни звука ветер не унес,
кружащий над степями Казахстана.

Приеду, километры торопя,
и в двух шагах замру на слове «здравствуй»,
и удивлюсь, как много до тебя
заполненного воздухом пространства.

* * *

Опять автобус. Ночь без сна.
Свернулась на груди разлука.
Стучится полная луна
о крышку поднятого люка.

Гудит мотор который день,
и вязнут мысли в полудреме.
И чем родней, тем холодней
воспоминания о доме.

Путешествие

1.

Ну хорошо, представь себе Нукус.
Его воды солоноватый вкус,
когда встречается с зеленым чаем,
становится почти незамечаем.

За кадром и Савицкий, и Бердах —
лишь ветер завывает в проводах.
По вечерам нукусцы увлеченно,
священной дружбы преступая грань,
бросают и булыжники, и брань
в железные ворота гарнизона.

Гостиница. Стрекошет тусклый свет.
Каракалпачка тридцати трех лет
(а в этом освещенье дашь все сорок)
кудрява, черноглаза и худа,
и двух парней вниманием горда,
хоть ни один ей, в сущности, не дорог.

Не то чтобы я сам ее люблю,
но ни за что ее не уступлю
какому-то залетному курсанту.
Он коренаст. Его зовут Айдын.
А я растерян и совсем один,
и не пошлешь курьера к секунданту.

Я поднимаюсь медленно к себе
к неравной приготовиться борьбе.

Напяливаю свитер, как кольчугу.
А после окунаюсь в темноту
и снег топчу по замкнутому кругу
с солоноватым привкусом во рту.

2.

Перенесемся ниже: Бухара.
С утра невыносимая жара,
а я устал и третий день простужен,
и никакой попутчик мне не нужен.

Но северянка у меня в гостях.
Мы смотрим мир на разных скоростях.
Иначе слышим звуки смуглой речи.
До неприличья кожа плеч бела.
И мне досадно, что она ждала
чего-то большего от нашей встречи.

Ляби-Хауз. Знакомые мои —
друзья друзей или родня родни —
любезны так, что и не подкопаться.
Пьют жаркими глазами белизну
и на какой-то пляж зовут купаться
не столько нас, сколько ее одну.

3.

Теперь во двор, где в окруженье роз,
неназванный еще, физалис рос
в коробочках румяных и бумажных,
среди саманных стен одноэтажных.

Не проходило во дворе ни дня,
чтоб не стеклась степенная родня —
будто незримой нитью всех связали —
на «запорожцах» и на «москвичах»
поговорить, потягивая чай,
о датах, детях, ценах на базаре.

И вот представь: мой двор еще плывет.
Непотопляем разноцветный плот.
Недвижима вода семидесятых.
Желтеет выгоревшая трава.
И груша там, и яблоня жива
дуплистая, еще плоды висят их.

Он безвоздушен, этот древний мир.
Он населен ушедшими людьми.
Взглянуть в него из одного скафандра
нам не дано: двоим здесь места нет.
Но что пред ним хивинский минарет
и что пред ним красоты Самарканда.

* * *

Тело мудреет, как плод.
Вот только рассудок
не поспевает за ним, отстают
от времени суток.
В пыльный, обратный готовится путь,
будто в начале —
цель, и награда, и место уснуть,
дней не сличая.

В рамку глазницы моей помещен,
на горячей изнанке
мальчик казахский играет с мячом
на полустанке.
Отяжелевший на солнце вагон
отлучен от движенья.
Мяч черно-белый стучит, как живой, о ладонь,
нарушая закон притяженья.

Вот и зарос от бумаги порез.
За окнами — без перемен.
Старый диван отправляется в рейс
хоккей-КВН.

* * *

Обратный путь срезая по привычке,
авоськи тащишь вдоль литых оград.
Читаешь полустертые таблички —
скупые перечни чужих утрат.
Как градусник, встряхнешь немые пальцы,
с родной рукой нащупывая связь, —

и не заметишь сам, как задержался,
в эмалевый овал оборотясь.
Шуршат листвы дырявые обои.
Теряются оттенки в полутьме.
Короткий список сделанных покупок
все медленнее крутится в уме.

* * *

«...Кто у нас нынче поет Кармен?
Ставят ли новое в русском драмтеатре?
Много, я слышал, у нас перемен.
Мал городок, но узнаю вряд ли.
Даже не верится: столько лет
мысленно взад и вперед по Садовой...
На 24-е взял билет.
Приеду — наговоримся вдоволь».

«Вместе со всеми, узкой тропой.
Поют далеко, но кажется, отовсюду.
Имя твое не вспомню, если встречу с тобой,
да и свое, должно быть, скоро забуду.
Почта из рук вон, так что писем не жду,
но доходят молитвы, особенно по субботам.
Придешь навестить — ищи в третьем ряду,
у зеленой скамейки, сразу за поворотом».

* * *

Трое стоят в дверях.
Что ж я так оплошала?
Пыль кругом как на грех,
скомканные одеяла.

Гладить не начала,
и не найти заколку.
Суп еще позавчера
вылить просила Кольку.

В баночке жестяной
скрепочки вместо чая.
Музыка за стеной.
Так ли гостей встречают?

Не размыкая губ,
Трое пожмут плечами:
«Позавчерашний суп,
музыку вместо чая,

сколько еще в горсти
сподобишься унести —
можешь забрать с собой всё.
Мы подождем, не бойся».

Пейнтбол

Выйдешь на поле — а где тут наши?
Век на забавы не скуп,
игры за играми. Я однажды
съездил в пейнтбольный клуб.

Опыта я не имел в пейнтболе,
краток был первый бой.
Вскрикивал от удивленья и боли,
пули ловил спиной,

и запотевшая маска метко
не позволяла стрелять.
На синяки мне йодную сетку
в тот день наносила мать.

Русское поле, нерусское поле.
Трава, что всегда права.
Пуля, спасающая от боли.
Дно ледяного рва.

Все эти рифмы, лайки и метки,
жгущий сердца глагол —
лишь рисование йодной сетки,
жалкий такой пейнтбол.

* * *

В дальний путь провожают диван.
Управляет диваном Иван.
У него телевизор и плед,
то есть полный комплект.

В телевизоре берег морской,
неподвижные птицы парят,
сослуживцы идут на парад
и жена ему машет рукой.

И колесики тихо скрипят,
навевая покой.

Самоизоляция

В домашнем заточенье, как ни странно,
мне неизменно помогает ванна.
Без пропуска сажусь в ее ладью
и, пресекая бормотанье крана,
пересекаю молодость свою.

Я там и здесь, я зыбок и непрочен.
Двойник мой, суетлив и озабочен,
бежит на месте, крутит колесо,
и череда попоек и пощечин
морщинами ложится на лицо.

Билет просрочен. Вместо альп, италий —
минувшего случайные детали,
как зерна из дырявого мешка.
Я пуст и в основном горизонтален.
Я толстых книг бездомная тоска.

Когда б не страх, что истекает время,
зачем подолгу говорить не с теми
и с незнакомыми делить постель?
Смотри, как много времени, и темень
густа, и не предвидится гостей.

* * *

Слаб человек, но слабее котенок.
Голос его неуверен и тонок,
сам он почти невесом,
ветром сюда занесен
из первозданного хрупкого мира,
жителей коего тьма не томила,
где совершенен язык
и к молоку не привык.

Слаб человек, но котенок слабее.
Жметя к ногам, пред грядущим робея,
будит тебя по утрам,
чтоб не опаздывал в храм.
Встанешь и, хрупкий свой сон забывая,
в офис ползешь в неуклюжем трамвае,
лицом смирен и мохнат.

Скоро ли можно назад?

Речка

Если вдруг про эту речку
вспомнит кто-нибудь на свете,
непреренно отовсюду
соберутся знатоки.
Привезут тугие сети
и надежные крючки.

И моя ручная рыбка
перестанет в речке плавать.
Только дно — речная память —
в зыбкой пляске все равно
сохранит сухой остаток —
тени бледное пятно.

* * *

Синюю птицу заметил
вдали от людей.
Станет ли чист и светел
пасмурный день?

Голос мне не знаком ее,
не приручен.
Не расспросить ни о ком ее
и ни о чем.

Кинет взгляд птица синяя
в мое сердце бессильное,
голову повернет —
и продолжит полет.

Из староанглийской поэзии

Вдоль леса я с подругой шел,
ни облачка с утра.
И вдруг, почувствовав укол,
прихлопнул комара.

Он, краткой жизни скинув груз,
медлительно упал.
А на ноге моей укус
расцвел, упруг и ал.

Почешется — простынет след.
Так через сотню лет
сравняется с землею холм
на кладбище глухом.

* * *

Ты недоступен брызгам и ветрам.
Тебя врачи, ощупав, по утрам
все чаще хвалят. Ты отводишь взгляд.
Не им и не тебе принадлежат
стволы, пустоты, корни и вершины.
Лежи, бессонной темнотой прижат,
и слушай этот лес непостижимый.

Коллаж

Прощайте, коловший глаза песок,
ворота белые, словно снег!
Далекой лампы колеблется свет,
и горькая песня течет с высот.

Любая боль доболит до конца.
Средь брошенных стен и развалин спасен
негаснущий свет твоего лица —
мой кроткий, мой безответный сон.

Тугов

Приходит Тугов в шахматы играть,
раскачивает хриплый колокольчик.
Спокойно с ним: проигрывает молча,
не просит дать ему переиграть.

Ветшает двор. Состарившийся Тугов
укладывать приходит виноград.
Становится на шаткий табурет.
Лоза в руке шершава и упруга
и всех переживет на много лет.
Вдова благодарит, дымится чай,
и солнце скатывается за край.

Окончен труд, и вечер настает.
Двумя словами не с кем обменяться.
Пылится в памяти не пущенная в ход
беспроигрышная комбинация.

Проявление

*

Никого из родных
не застигнет фотограф врасплох:
за игрой в шахматы,
прополкой грядок,
ездой на велосипеде.
Все пристально глядят в объектив,
насторожившись, надев
приветливые улыбки,
охраняя от незваных гостей
хрупкое равновесие
своего черно-белого времени.
Зрение обращается в слух...

*

«Нет уж, милый мой, теперь живи с ней,
никто тебя не неволил».
Дядя Леша остается с женой-китайкой
на всю свою долгую жизнь.
«Выбирай себе женщину с узкими бедрами, —
наставляет племянника, — такую,
как у меня». И улыбается
прошлому, опираясь на палку.

*

*Свет. Черно-белая вода.
Лицо, пока еще не в фазе
старенья. Бледный карандаш
проводит родственные связи.
Смеется молодой отец,*

*желтеющий с собой в разлуке
и забывающий о тех,
на чьих плечах он держит руки.*

*

*...этот черный загар негатива
на щеках голодных студентов.
Пайка хлеба, стакан кипятка.
Дедушка, кто это рядом с тобой
на надорванной сепии —
в клетчатой кепке и парусиновых брюках?
Ломкая на сгибах бумага
долговечней любви и дружбы.*

*

*«Ну и где же твой долгогривый,
в расход еще не пустили?»
Крестик не носит,
рвется в комсомол,
долго рыдала в прихожей.
«Пришел
разделить человека с отцом его,
и дочь с матерью ее, и невестку...»
Доня, доня, где искать тебя,
на каком развороте, в каком
слежавшемся ворохе?
Бродит бородатый отец,
стучится в случайные снимки,
хочет благословить дочь
на веселую страшную жизнь.
Но надежны границы кадра,
танки быстры, и враг не пройдет.*

*

*Вот они — совершенные, прекрасные
тетя Нина, тетя Женя, дядя Гена
под солнцем неувядаемой молодости.
Кто же посмел пририсовать
им, безупречным,
отечные ноги, шишки на пальцах,
впалые небритые щеки?
Кто без спросу склонился однажды
с химическим карандашом
над этим предвечным миром?*

*

*«Бабушка, чья рука на твоём плече?» —
«Муж Оксанин. Гадкий был, приставал...»
Аккуратные ножницы
отправляют безликого в небытие. 59 лет
тянутся для него нескончаемым кошмаром.
Шарит впотьмах, верх и низ перепутав,
ищет плечо на холодную ощупь,
режет ладонь о края
ломкой бумаги...*

*

*Застыньте перед камерой на три
секунды — станете как боги.
Познаете: мир прост и черно-бел.
Ни складок, ни морщин не знает тело.
Ветвящийся орнамент целлюлита
навек стерт. Лишь блики на воде
и пики гор над облачной грядой,
на заднем плане.*

*

Никогда не снимай во сне:
эти серые фото не лягут в альбом
и ничей не обрадуют взгляд.
Проявляешь картинку —
на ней никого.
Куда ж подевались они —
дядя Сережа, Максим,
Шурик, размахивающий пластмассовым пистолетом?
Только ровно шумят черно-белые тополя
у пустынного перекрестка,
где едва различим силуэт водителя
за рулем горбатого «запорожца».

*

*Дощатый стол. Насмешливые духи
на стыках досок дразнят игроков
неправильным отскоком. Имена
расплывчатые, и только вязь видна
арабских цифр на краешке газеты:
21:15, 18:21... Игра идет на вылет.
Хотя никто не покидает двор,
но тают, тают в воздухе сухом,
не достигая совершеннолетия.*

*

Ремень и португепя перечеркивают
молодцеватую фигуру.
«Фуражку чуть выше, пожалуйста».
Немигающий взгляд из-под козырька.
«Сколько я должен за снимок?»
Нет-нет, не здесь, не сейчас.
На сопках Маньчжурии,

на дальнем пограничье,
где воздух железным пунктиром прошит
и земля солена на губах —
там и расплатитесь.

*

Снова открыто окно во двор
сносенного дома.
Вот они выходят одна за другим,
занимают места на дорожке,
где с неба свисает
беременная ветвь абрикоса.
Тетя Ася, дядя Яша, тетя Вера
и с ними другие, кого не помню, не знаю.
Все тесней и многолюдней во дворе,
а гости прибывают, глядят в объектив
в ожидании птички.

*

*Я не вижу, что вдалеке.
Я кусок своего времени.
Мне сподручнее налегке,
привычней без роду и племени.
Библиотека моя — электронная книжка,
и в айфоне мой фотоальбом.
Все труднее ушедших удерживать за руки
с каждым днем.*

*

Только бы не таскать из двадцатого
в двадцать первый пыльные талмуды
с вываливающимися на ходу
пожелтевшими карточками...

Все меньше за душой
этих молодых неподвижных лиц.
Мне уже не развесить их плодами на древе,
не справиться с оцифровкой.
Не угнаться за черно-белой жизнью, текущей
со скоростью 24 кадра в десятилетие.
Но что-то мешает
щелкнуть затвором и выпустить навсегда
беспокойную птичку памяти.

* * *

«Осенние кораблики земли,
послушные невидимым штурвалам,
и крутятся, и вертятся вдали,
кружат над желтым покрывалом...»

Как много строк беспомощных просеяно
сквозь детский поэтический кружок.
Его вела Варвара Моисеевна,
оттуда — про кораблики стишок.

Так бы и дальше потемневшей меди
касаться, и рассматривать фасад
с лепниной гипсовой, и постигать бессмертье,
и ничего с тех пор не написать.

Суббота

Проснешься и, глазам поверив,
поймешь: начало октября.
А желтые флажки деревьев
давно приветствуют тебя.

Припев твоей любимой песни
чем отдаленней, тем чудесней.
На кухне чашками стучат,
там бледный чай и блинный чад.

На пустыре твоя команда
уже разыгрывает мяч.
Лежи, как будто так и надо.
Листай программу передач.

Содержание

Малинник	3
«Подрастая, спит в ночи...»	4
«В детском саду воскресенье...»	5
Сосульки	6
«Слышишь? Дождь. Поливает сугробы...»	7
«Мелькают поэты под сенью косматых деревьев...»	8
«Туман. На чем остановиться взгляду...»	9
«Ранней весной проникаемы сны...»	10
Отец	11
«Зимняя отыгранная сказка...»	12
Базарчик	13
«Нет, голос твой с хрусталинками слез...»	14
«Опять автобус. Ночь без сна...»	15
Путешествие	16
«Тело мудреет, как плод...»	19
«Обратный путь срезая по привычке...»	20
«...Кто у нас нынче поет Кармен...»	21
«Трое стоят в дверях...»	22
Пейнтбол	23
«В дальний путь провожают диван...»	24
Самоизоляция	25
«Слаб человек, но слабее котенок...»	26
Речка	27
«Синюю птицу заметил...»	28
Из староанглийской поэзии	29
«Ты недоступен брызгам и ветрам...»	30
Коллаж	31
Тугов	32
Проявление	33
«Осенние кораблики земли...»	39
Суббота	40

Дизайн обложки Ксения Столбова
Верстка Светлана Троицкая
Тираж 200 экз.
Заказ № 77014-НО

Подписано в печать 5 мая 2024 г.